

Список источников

1. Балахонский В. В. Философские проблемы методологии права // Философия права : научно-теоретический журнал. 2011. № 5.
2. Правосознание и его роль в жизни общества : монография / под общ. ред. проф. В. В. Балахонского. СПб., 2018.
3. Пристенский В. Н., Балахонский В. В. Онтология права как его антропология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4(32).
4. Философия права и правосознания : монография / В. С. Олейников, Б. К. Дзегутанов, В. В. Балахонский. СПб., 2009.
5. Явич Л. С. Сущность права: социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л., 1985.

В. Ю. Васечко

(г. Екатеринбург)

Проблема взаимосвязи права и нравственности в философско-этической системе Владимира Соловьева: современное звучание

Свою философско-правовую концепцию В. С. Соловьев развивает в последние годы жизни в работах «Оправдание добра. Нравственная философия» (главы 15 «Уголовный вопрос с нравственной точки зрения» и 17 «Нравственность и право») [1] и «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики» [2]. Она выстраивается им на критике двух альтернативных, но, по его мнению, равно ошибочных концепциях: а) признание области юридических отношений совершенно самостоятельной, самодовлеющей, «обладающей собственным абсолютным принципом» и отрицание на этом основании существенной связи нравственности с правом (юридический позитивизм, основным представителем которого в современной русской и европейской мысли В. С. Соловьев считает Б. Н. Чичерина); б) отрицание ценности права и всего, что к нему относится, как замаскированного зла (так называемый отвлеченный морализм, развиваемый в России Л. Н. Толстым в его концепции непротивления злу насилием) [2, с. 4].

Адекватно оценить взгляды В. С. Соловьева на право и нравственность можно лишь в рамках его более фундаментальной, универсально-космической концепции «философии всеединства» (другое название

«философия цельного знания»), рассматривающей различные формы человеческого общежития (помимо права и нравственности, это также экономика, церковь и государство) в качестве элементов и орудий диалектического перехода человечества из нынешнего несовершенного состояния в будущее совершенное — Богочеловеческое («Царство Божье на земле»).

Основная ошибка позитивизма — отождествление *справедливости* как добродетели с *легальностью*, т. е. с внешним, формальным исполнением закона. С этой ограниченной точки зрения всякая коллизия между положительным, явно сформулированным законом и представлениями людей о добре и зле неизменно должна разрешаться в пользу первого. Несостоятельность такого взгляда была отмечена еще римскими юристами в максиме: «*Summum jus summa injuria*», ориентирующей правоприменителей на осмысленное, гибкое, творческое, а если надо, то и на критическое отношение к наличным юридическим нормам.

Основная ошибка отвлеченного морализма — в его субъективизме и индивидуализме: радикальная критика права (как и остальных атрибутов современной цивилизации — государства и его органов типа полиции, армии, судов, тюрем, а также искусства, техники и др.) есть выражение собственного бессилия и нежелания что-либо реально, практически предпринять для продвижения человечества к высшему состоянию для его действительного нравственного преобразования.

Все попытки дать определение права вне выяснения его связи с нравственностью поверхностны, формальны и «не доходят до существа дела». Таково, в частности, знаменитое определение немецкого теоретика права Р. фон Иеринга: «Право есть защищенный или огражденный интерес». Очевидно, что право защищает *не всякие* интересы, но как только мы начинаем выяснять, какие именно (когда мы, например, уточняем: интересы *справедливые*), нам приходится обращаться к нравственным критериям. Необходимо и неизбежно, по Соловьеву, «различение правды внешней, формальной, или собственно юридической, от правды внутренней, существенной, или чисто нравственной, причем верховным и окончательным мерилom правового и неправового остается одно и то же начало — нравственное» [1, с. 527].

Логическое отношение между правом и нравственностью правильнее всего определить как пересечение. С одной стороны, полностью включать объем правовых явлений в объем явлений нравственных (например, под предлогом того, что право есть выражение справедливости, а справедливость — категория нравственная) нельзя по причине «всеоб-

щего явления правомерной безнравственности» [2, с. 24], т. е. не только очевидных и многочисленных злоупотреблений, творимых слугами закона, но и множества правомерных (с формально-юридической точки зрения) актов и решений, попирающих элементарные нормы добра, морали и справедливости. С другой стороны, нравственность имеет предметом весьма широкий круг социальных феноменов, если не сказать социальную жизнь в целом, и потому говорить о полном поглощении ее правом также нет оснований. На пересечении здесь оказываются явления, подлежащие оценке и регуляции как права, так и нравственности.

Именно в плане соотношения права и нравственности В. С. Соловьев дает собственную дефиницию права: «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [1, с. 450]. Достоинство его в том, что оно соединяет вместе три существенных признака определяемого предмета: 1) право есть низший предел или некоторый минимум нравственности, равно обязательный для всех членов общества; 2) реализация этого минимального добра в действительности, на практике (небольшое, но действительно осуществленное добро предпочтительнее самого великого, но реально не существующего — как синица в руках лучше журавля в небе); 3) прямое и косвенное принуждение, необходимое для вышеуказанной реализации, поскольку одного словесного убеждения часто недостаточно для прекращения или предотвращения противоправных действий.

Хотя эквивалентного, логически строгого (родовидового) определения для нравственности Соловьев не дает, он указывает на альтернативные ее признаки, дающие здесь основание интерпретировать данное логическое отношение уже как противоречие: 1) чисто нравственное требование (типа любви к врагам или самопожертвования) безусловно настаивает на стремлении к совершенству и никак не ограничивается минимумом типа исполнения долговых обязательств или нарушения уголовных норм; 2) высшие нравственные заповеди не предписывают заранее никаких внешних определенных действий, поскольку содержание нравственного требования и долга бесконечно; 3) нравственное совершенство есть внутреннее состояние, предполагающее только свободное и добровольное исполнение, исключаящее любое принуждение. Тем не менее Соловьев настаивает на том, что «это ясное и общее различие не есть противоречие, способное вести к реальным столкновениям» [2, с. 32].

Соловьев дает еще одну интересную дефиницию права: «Право есть исторически подвижное определение принудительного равновесия меж-

ду двумя нравственными интересами: формально нравственным интересом личной свободы и материально нравственным интересом общего блага» [2, с. 40]. Здесь, помимо вышеозначенной принудительности, указывается на: 1) функцию согласования правом двух фундаментальных нравственных интересов, без реализации которых невозможно ни сохранение общества, ни его совершенствование и продвижение к Богочеловечеству; 2) исторически изменчивый характер реализации правом указанной функции, что предполагает перемещение в разные эпохи преобладающего акцента — либо на максимальное развертывание личностного начала, либо на более жесткое внешнее социальное ограничение индивидуальной свободы во благо целого. Следует подчеркнуть, что этот момент — сочетание защиты свободы личности с внешним регулированием общественных отношений — присутствует и в современных дефинициях права [см., напр.: 3, с. 231].

Доктрина современного уголовного права эклектична, внутренне противоречива и даже бессмысленна. С одной стороны, она включает в себя понятия «отмстительной справедливости» и устрашения («да чтоб и другим неповадно было», «поделом вору и мука») и в этом смысле продолжает древние традиции кровной мести и варварских законов средневековья [1, с. 391–394]. С другой стороны, вследствие гуманизации общественной жизни в целом и частой невозможности точно определить меру воздаяния за преступление эта доктрина все более склоняется к смягчению наказаний. Решение этой проблемы может быть, по Соловьеву, достигнуто только на путях последовательного (сначала в теории уголовного права, затем на практике) признания категорического императива Канта: человеческое достоинство должно уважаться в каждом лице и, следовательно, нельзя кого бы то ни было делать только средством или орудием для чьей бы то ни было пользы [2, с. 73].

Если мы честно признаем, что совершение преступления никак не лишает данное лицо человеческого достоинства и человеческих прав, то это позволит более ясно определить нравственные ориентиры дальнейшего совершенствования уголовно-правовой и, в частности, пенитенциарной системы, очищения ее от рудиментов «мертвого наследия отживших начал отмщения и устрашения» [2, с. 99]. Таковы отмена не только смертной казни (даже обычной, не говоря уже о «квалифицированной»), но и иных видов санкций, означающих «систематическое мучительство, возмущающее нравственное сознание» — пожизненного лишения свободы, каторжных работ, долгосрочной ссылки в местности с губительными климатическими условиями [1, с. 394]. Наказание в любом случае должно

иметь место, но совершаться оно должно без ненависти, без чувства злобы и мщения. Разумеется, это предполагает коренную перестройку всей системы исправительных учреждений и, в первую очередь, подготовку большого количества профессиональных работников, которым общество поручит дело возвращения бывших преступников к нормальной социальной жизни — педагогов, психологов, священников и т. д.

Список источников

1. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1988.
2. Соловьев В. С. Право и нравственность. Минск; М., 2001.
3. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 2003.

Т. Е. Грязнова

(г. Омск)

Идея ценности права в российской социологической юриспруденции рубежа XIX–XX вв.

Устойчивость социальной структуры и политической системы общества напрямую обусловлена тем, насколько успешно и целесообразно применяются разного рода регуляторы общественных отношений, среди которых праву, очевидно, принадлежит ведущая роль. Не случайно уже в первом отечественном политическом трактате Илариона мы сталкиваемся с постановкой вопроса о соотношении таких регуляторов общественной жизни, как закон, истина и благодать, среди которых закон в силу несовершенства человеческой природы играет далеко не последнюю роль. Впоследствии в той или иной мере проблемы значимости права (закона) касались практически все отечественные мыслители, однако наибольшее внимание профессиональных юристов она начинает привлекать со второй половины XIX в., когда реформы Александра II заложили основу для трансформации правовой системы Российской империи в направлении конституционализма.

Обострение социальных противоречий, распространение радикальных политических идеологий, появление нелегальных политических организаций на фоне крайне низкой правовой культуры подавляющего большинства населения как никогда актуализировали проблему ценности и авторитета права, приобретшую на рубеже веков стратегическое значение для дальнейшего развития страны.